

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2024-1-50-57>

Особенности формирования правосознания и правовой культуры граждан в современных условиях многополярности

Т. Э. Зульфугарзаде

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Features of the Formation of Legal Awareness and Legal Culture of Citizens in Modern Conditions of Multipolarity

T. E. Zulfugarzade

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Аннотация

В статье приведены основные результаты исследования современных проблемных вопросов, связанных с выявляемыми различиями между такими взаимозависимыми политико-правовыми понятиями как правовая культура и правосознание. Определены и резюмированы особенности современного концептуального подхода к вопросам формирования правосознания и воспитания правовой культуры в условиях формирующейся мультиполярности. В качестве основных методов познания при проведении исследования были использованы логический, сравнительный, эмпирический, аналитический, историко-правовой, описательный и другие методы. Научную новизну исследования составили следующие выводы: во-первых, возникает необходимость разделения таких понятий, как (1) индивидуальное правосознание, (2) общественное правосознание и (3) правовая культура; во-вторых, в современных условиях многополярного мира формирование правосознания происходит в многоуровневой среде, и изменения, происходящие в общественном сознании, в наибольшей степени соответствуют последующему видоизменению социальной структуры в новационной геостратегии; в-третьих, изучение правосознания фактически неотделимо от изучения формальных и неформальных социальных организаций (включая институты гражданского общества) и иного рода сил, управляющих правовой институциональной системой (правовой инфраструктурой) и многочисленными формами социального контроля, конкурирующими между собой.

Ключевые слова: право, сознание, социальный, экономический, государства, институты гражданского общества, личность, позитивизм, ценность, знания, обучение, информатизация.

Abstract

The article presents the main results of the study of modern problematic issues related to the identified differences that arise in the presence of an obvious interdependence of legal culture and legal awareness, as closely related political and legal concepts and phenomena. The features of the modern conceptual approach to the formation of legal awareness and the education of legal culture in the conditions of emerging multipolarity are identified and summarized. Logical, comparative, empirical, analytical, historical-legal, descriptive and others were used as the main methods of cognition during the research. The scientific novelty of the study was formed by the conclusions, according to which, in particular, firstly, there is a need to separate the concepts of (1) individual legal awareness, (2) public legal awareness and (3) legal culture; secondly, in the modern conditions of the multipolar world, the formation of legal awareness takes place in a multi-level environment and the changes taking place in the public consciousness are most adapted for the subsequent modification of the social structure in the innovative geostrategy and, thirdly, the study of legal awareness is actually inseparable from the study of

formal or informal social organizations (including civil society institutions) and other forces, managers of the legal institutional system (legal infrastructure) and competing numerous forms of social control.

Keywords: law, consciousness, social, economic, states, civil society institutions, personality, positivism, value, knowledge, learning, informatization.

В современных исследованиях проблемных вопросов права и государства правовая культура и правосознание как таковые нередко представляются в качестве синонимичных либо весьма тесно связанных между собой, фактически пересекающихся понятий [9. – С. 11]. По нашему мнению, аспекты явления, охватываемые этими двумя концепциями, при более глубоком анализе подлежат разделению. Основа рассматриваемого дуалистического воззрения заключается прежде всего в так называемой идейно-исторической связи, получившей свое дальнейшее научно-прикладное развитие в политико-правовых концепциях, сохранявших и сохраняющих свою актуальность и в многолетних условиях монополярности и, что немаловажно для целей настоящего исследования, преимущественно в современный период мультиполярной дифференциации мироустройства, характеризующегося постепенным, но неуклонным укреплением объективно сложившейся триполярной конфигурации (модели).

Действительно, в современном многополярном мире правосознание, прежде всего с психолого-прикладной, а также с социально-правовой точки зрения, представляет собой эмпирически анализируемую совокупность индивидуальных и групповых психолого-социальных факторов, направленных на формирование правовой культуры граждан с помощью общественных институтов, включая институты гражданского общества, государства и надгосударственных образований, что предопределяет некоторую неоднозначность и множественность мнений и воззрений, свойственных любому демократическому, социальному, правовому государству. Таким образом, по нашему мнению, современное правосознание являет собой специфически устроенную совокупность не только психологических и социально-психологических, но и социально-экономических и правовых явлений, таких как знания, умения, мнения, установки, предрассудки, импульсы, побуждения, навыки и способности, которые в свою очередь формируют менталитет и представления о праве на индивидуальном (гражданин) и групповом (совокупность граждан) уровнях.

Говоря об индивидуальном и общественном правосознании, отметим, что различие между индивидуальным и социальным уровнями правосознания касается прежде всего концептуальных рамок преобладающего материалистического подхода в теории права, что отчасти объясняет, почему социальное (общественное), в отличие от индивидуального, оставалось до известной степени неопределенным. Причина этого заключается в том, что, несмотря на признанную исследователями значимость социального расслоения в условиях рафинированного социального государства, организующего жизнь общества, которое строит государство правовое, фактически идеальное, социально-правовое, образ так называемого бесклассового общества тем не менее желателен не только на уровне политико-правовой идеологии (несомненно, только если таковая допустима с точки зрения основ конституционного строя), но и реальной правоприменительной практики, приводящей в свою очередь не только к постепенному разрушению традиционных сообществ, но и предотвращению спонтанного образования многочисленных групп, способствующих таким образом трансформации понятия «социальный уровень» в направлении общесоциального контекста [3. – С. 35], а именно к государственному уровню, гармонизованному с политико-правовыми тенденциями государства – мирового доминанта (при однополярной модели). Таким образом, разделение индивидуального и социального уровней неявно подразумевало, что личность была напрямую связана с государством, которое представляло собой общество без какой-либо дополнительной посреднической группы, что вызывает подчас существенные сложности в новой мультиполярной реальности.

В свою очередь, социальный уровень правосознания связан с институциональным аспектом, представляющим собой основанное на праве политическое сообщество в целом, которое обычно отождествляется с государством, органами власти и управления. Таким образом, индивидуальное правосознание связано с личностью как социальной и психофизической реальностью. В отличие от отношения личности к собственно-

му правосознанию, государство отнюдь не является исключительным носителем общественного правосознания и его формирующим началом. Если правосознание личности в принципе можно реконструировать по поведению личности, то деятельность госорганов не может быть использована для полновесного вывода о правосознании общества во всех его аспектах и проявлениях.

В концептуальном отношении между правосознанием и правовым знанием существует разница: первое является более всеобъемлющей категорией, а правовое знание, таким образом, представляет собой компонент правосознания, который может быть отнесен к познавательной (сознательной, рациональной, интеллектуальной) сфере индивидуальной психики и особенностям правопонимания. Сама по себе индивидуальная психика или психика индивида (гражданина) также является в определенной степени остаточной категорией, поскольку включает в себя все остальные психологические аспекты, не охваченные правовым знанием (правоведением).

Понятие правоведения в данном контексте, безусловно, следует трактовать шире, чем знание норм позитивного права, поскольку «понимание права» и «умение использовать право как инструмент» [4. – С. 85] предполагают и некоторое знание догматического характера. Исходной точкой исследования подобных проблемных вопросов было то, что знание права не является ни необходимым, ни достаточным условием соблюдения закона, хотя знание закона, несомненно, является обязательным элементом юридической компетентности. Знание законодательства среди непрофессионалов, как правило, не отличается глубиной. В любом случае, такой уровень знания, безусловно, гораздо ниже, чем провозглашенный юристами принцип, согласно которому незнание закона не освобождает от ответственности и который, в свою очередь, не следует рассматривать как простую юридическую фикцию, оправдывающую юридическую ответственность. При этом немаловажно учитывать, что нормы уголовного права, как правило, наиболее известны, нежели, например, нормы административного и гражданского права. Аналогичным образом непрофессионалы в большей степени осведомлены о материальных нормах, нежели процессуальных.

Дополнительно отметим, что социальными факторами, которые более всего влияют на юридические знания, являются грамотность (образование) и объем юридического опыта, тогда как

возраст, пол, доход или уровень «медиапотребления» не влияют или оказывают лишь незначительное влияние на уровень юридического знания. Однако последнее, как правило, не охватывает всех элементов познавательной сферы, которые могут быть связаны с правом, поскольку включает в себя, очевидно, и те образцы предрассудков и установок, которые не контролируются рационально в каждом конкретном случае, но могут стать руководящими принципами юридических или юридически значимых действий.

В свою очередь, при изучении процесса юридического воспитания [7. – С. 58] понятие «правопонимание» использовалось в связи с понятием юридического знания, которое смешивает сознательные элементы явного знания права с эмоциональными, инстинктивными импульсами чувства справедливости. Способность оценивать выделяется как самостоятельный психологический фактор при изучении роли ценностей во взаимоотношениях с правом. Этот оценочный момент относится к специфическому сочетанию когнитивных и эмоциональных элементов сознания и в большей степени относится к вопросам юридической психологии.

Важно также осознавать, что фрагментация структуры индивидуального правосознания, агрегированная на групповом или общественном уровне, порождает социологически описываемые и измеримые закономерности. Изучение этих закономерностей открывает горизонт анализа индивидуального правосознания для общественного правосознания, правовой культуры, социальной истории и исследования истории права.

Переходя к вопросу о связи между индивидуальным и общественным правосознанием, подчеркнем, что в системе отношений, связывающих личность с обществом, представляется возможным выделить следующие три основных направления (поля) влияния общества на личность: социализацию, общение и применение права (правоприменение). Среди воздействий на общество со стороны индивида следует снова выделить несколько полей: во-первых, поле коммуникации, во-вторых, поле юридически значимых социальных действий и, в-третьих, поле явно правовых действий. На уровне общества немаловажно различать институциональный аспект и социальное правосознание.

В данной связи отметим, что понятие «социализация», используемое в социальной психологии и юриспруденции (наравне с антонимичным

ему понятием «ресоциализация»), применяется здесь в несколько более узком смысле. С одной стороны, не учитывается, по существу, интерактивный характер процесса обучения, т. е. обратная связь поведения обучаемого с педагогом в образовательном процессе. С другой стороны, по мере развития психолого-юридической концепции непрерывного обучения необходимо обращать не меньшее внимание на более позднюю, т. е. «взрослую» стадию социального научения, а именно на проблемы вышеупомянутой ресоциализации, а также не менее значимые проблемы перевоспитания.

При этом первая стадия социализации, которая заканчивается формированием прочной индивидуальной идентичности в молодом возрасте, имеет отношение к правовой социализации, а вторая, «взрослая» стадия правовой социализации, по существу, характеризуется накоплением и переработкой знаний и опыта права в познавательной сфере личности, что определяется влиянием социальных коммуникаций и применением закона.

Процесс правовой социализации на этапе социального воспитания вплоть до приобретения идентичности четко не отличается от других сторон образования. Особенно это касается раннего периода, от рождения до полового созревания, когда формируются эмоционально-волевые элементы личности, проявляющиеся в отношении к социальным манифестациям власти и правилам. В период после полового созревания познавательная сфера постепенно становится доминирующей в ходе развития личности, параллельно этому знания о правовых основах функционирования властных органов и системы законодательства пополняются и становятся все более дифференцированными, а эмоционально-нравственное отношение к ним – более рефлексивным и критичным. Хотя семья является наиболее важным фактором развития личности на ранних стадиях социализации, позднее она уступает место образовательным организациям, группам сверстников и, при наличии таковых, неформальным наставникам из числа представителей, как правило, более старшего поколения.

Основой применения права является сфера отдельных юридических действий, которые вместе охватывают сферу правотворчества в традиционном понимании, т. е. применение и соблюдение правовых норм и предписаний. Таким образом, сфера правоприменения охватывает в первую очередь официальные действия, иници-

рованные госорганами, тогда как индивидуальное правоприменение, возникающее по инициативе граждан, включено в сферу индивидуальных правовых действий. В очень упрощенном виде первое включает в себя административную деятельность, деятельность по обеспечению правопорядка, правоохранительную деятельность и уголовное правосудие, а второе – частноправовые действия и деятельность гражданского и (при наличии, арбитражного) правосудия. При более внимательном рассмотрении становится ясно, что в современных правовых системах существует ряд институтов и процедур, в которых официальные действия госорганов тесно связаны с отдельными правоприменительными действиями, что очевидно, например, в случае реализации процедур административного лицензирования или деятельности различных институтов посредничества и медиации (примирения). Таким образом, разделение между применением права и отдельными юридическими действиями может быть лишь относительным.

Для того, чтобы принять во внимание эффекты, возникающие в рамках поля от индивидуального уровня до социального, необходимо сначала рассмотреть феномен индивидуального общения. Для этого важно различать то, что люди думают и говорят, и то, как они действуют. Отдельные высказывания о норме права не обязательно отражают то, что человек на самом деле думает о законодательстве в целом и конкретной законодательной норме в том числе. Так, сообщая свое мнение о праве, которое обязательно включает в себя некоторую долю элементов предметного знания права и оценки права, индивид (гражданин) входит в сферу социального существования, т. е. индивидуальное правовое общение имеет политические последствия. Формулируя и выражая свое мнение о праве, человек вступает в процесс, который формирует общественное мнение, идущее «вверх» от гражданина к госорганам, и который становится частью формирования политической и правовой культуры. Таким образом, тесная связь между правовым сознанием и политической культурой очевидна уже на уровне индивидуального общения.

С другой стороны, рассмотрение мнения изучаемого гражданина изолированно от наблюдения за его реальным поведением не дает полной картины его индивидуального поведения, т. е. уровня его правосознания (особенно остро эта проблема стоит в анкетах опросного типа:

респондент отвечает не то, что он думает по тому или иному вопросу, а то, что он считает в целом ожидаемым, политикорректным и т. п.). Именно отсюда возникает особая важность микросоциологических и иного рода социально-правовых исследований в рассматриваемой области. Среди юридически значимых социальных действий стоит изначально различать противоправное поведение и действия (деяния), направленные на обход закона. Формы нарушений и, что более важно для изучения правосознания, мотивы, стоящие за ними, могут быть весьма разнообразными. С одной стороны, это гражданское неповиновение, сознательное, политически или морально мотивированное, открытое (но ненасильственное), демонстративное пренебрежение законом. С другой стороны, бывают случаи, когда причиной нарушения является просто незнание закона (юридическая неосведомленность). К этому относится сложная совокупность нарушений, возникающих в результате «отчуждения от закона», рационального обдумывания, эмоционального воздействия, «ошибки намерения» или «ошибки воли» или некоторой их комбинации.

Несомненно, ведущую роль в этих исследованиях играют криминологическая наука, которая имеет соответствующий моральный и политический вес, а также эмпирическое исследование и анализ, при этом гораздо меньше внимания уделяется мотивам правонарушений в сфере гражданского и административного права. Что касается поведения, направленного на избегание соблюдения законодательных требований и установок, то это, по сути, попытка человека искать иные, т. е. находящиеся вне строгих законодательных рамок средства разрешения конфликта или спора. Некоторые из них представляют собой вышеупомянутые институты посредничества и примирения, другие – институты на уровне общества (корпорации) или группы, в значительной степени или полностью независимые от законодательства и практически не формализованные, традиционные процедуры или конкретные модели социальной практики.

Объем юридических действий также можно разделить на две части. С одной стороны, бывают случаи «пассивного» соблюдения закона, а с другой стороны, ситуации, когда личность сознательно использует предоставляемые законом возможности как средство отстаивания своих интересов или иных требований. Первое представляет большой интерес с социоправовой точки зрения

при изучении правоприменения и эффективности права в целом, тогда как второе имеет большее значение с точки зрения изучения правосознания.

В случае «пассивного» подчинения действия человека, независимо от мотивов, объективно соответствуют закону. Таким образом, основное внимание здесь уделяется выполнению юридических обязательств лица, которые могут быть обязательствами, установленными правоохранительным органом в ходе судебной процедуры, или гражданскими обязательствами между отдельными лицами. Так, уже с начала XX в. юридическая социология осознает важность юридических сделок и юридических действий без спора, так называемых безаварийных случаев, для юридической жизни в целом. Такая совокупность юридических действий составляет пассивное «живое право».

Напротив, другой вид юридического действия, где гражданин способен использовать закон как инструмент, предполагает не только сравнительно высокий уровень знания права и понимание закона, но и специфическое отношение к нему (осознание прав, или правосознание). Последнее подразумевает, что человек полагается на склонность требовать, а не ожидать от органов власти соблюдения своих прав. Однако использование права как инструмента не только подчинено условиям, присущим отдельному гражданину (субъекту), но и требует определенных внешних условий, в которых он действует фактически. Например, для судебного разбирательства должны быть доступны конкретные социально-правовые, в том числе интеллектуальные и материальные ресурсы, такие как время, финансовые средства, образование и т. д., отсутствие которых может стать препятствием для законоприменения (правоприменения).

Также отметим, что к неопровержимым фактам, определяющим социальный статус человека, относятся пол, возраст, благосостояние, доход, образование и место жительства. Влияние социальных явлений на правовые знания и правосознание сложно переоценить, так как оно касается разных закономерностей, но в разных странах и правовых культурах они проявляются по-разному. Последующие исследования выявили две самые распространенные тенденции: во-первых, наиболее существенное влияние на развитие юридических знаний оказывает уровень образования (образовательный уровень); во-вторых, такого рода процесс непосредствен-

ным образом связан с принадлежностью индивида к той или иной социальной группе.

Весьма значимыми формами социальных групп являются те, которые организованы по семейным, родственным, этническим, местным, возрастным, религиозным или идеологическим признакам. Социальные группы оказывают существенное влияние на формирование и развитие личности человека благодаря сильному аффективному воздействию прямого, личного общения и межличностного контакта, а также их специфической внутренней психологической динамике. Очевидно, например, что профессиональные группы представляют собой фактически структуру общества, основанную на разделении труда, включающую в себя всевозможные институты и более или менее формализованные общественные объединения или неформальные сообщества, прежде всего профессиональные группы в экономической, политической, культурной и, конечно же, правовой сферах. Принадлежность к профессиональной группе, т. е. род занятий, сама по себе является статусным фактором, но в последние десятилетия она во многом утратила свое значение.

Тем не менее участие в отдельных профессиональных группах (политических партиях, общественных движениях и объединениях, профсоюзах и т. п.) оказывает влияние на правовые знания и правосознание вовлеченных лиц (граждан), поскольку в процессе формирования юридических навыков в определенной профессиональной среде они получают конкретные правовые знания и практический (юридический) опыт по своей профессии.

Общеизвестно, что профессия юриста является весьма престижным карьерным направлением интеллектуальной профессиональной деятельности, причем большинство ее представителей, как правило, в подавляющем числе стран, особенно индустриально развитых, являются выходцами из семей среднего класса. Вступление в профессию основано на теоретической квалификации (юридической степени), полученной в результате обучения в образовательной организации высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция», за которым обычно следует более или менее длительный период практической подготовки. Юридические профессии делятся на профессиональные группы (судьи, адвокаты, прокуроры, администраторы), и эта структура варьируется от страны к стране и

от одной правовой культуры к другой. Это внутреннее разделение профессии – сравнительный размер и престиж групп, типичные траектории внутренней мобильности между группами. Все это факторы, влияющие на степень корпоративной сплоченности между представителями профессии.

В подавляющем своем числе юристы характеризуются более высоким, чем у непрофессионалов, уровнем правовых знаний, понимания и юридической компетентности, что не во всех случаях обязательно сопровождается более высоким уровнем уважения к закону [2. – С. 23]. Так, социальной функцией адвокатуры (а в определенных случаях даже адвокатской монополией) является выработка и поддержание нормативного слоя правовой культуры и забота о связанном с ним доктринально-догматическом слое. Указанная функция связана с разграничением светской и профессиональной правовой культуры, о чем более подробно будет сказано ниже в непосредственной связи с понятием правовой культуры.

На основании вышеприведенных доводов полагаем важным сделать еще несколько кратких предварительных выводов.

С одной стороны, возникает объективная необходимость понимать общественное правосознание как явление, взаимодействующее с правовой культурой. С точки зрения общественного сознания право (правовая культура) выступает то как независимая, то как зависимая переменная. Правовая культура формирует правосознание и сама формируется общественным правосознанием.

С другой стороны, общественное правосознание следует понимать как внутренне структурированное по его базовым элементам, связывающим личность с обществом, т. е. гражданина с гражданами в лице общественных и профессиональных групп, – фактически так же, как и в случае с правовой культурой. При этом, по нашему мнению, в настоящее время еще однозначно не доказано, что формальное право способно полностью доминировать во взаимодействиях во всех сегментах общества, и поэтому изучение негативного отношения к праву, правосознания и правосознания, а также правового воспитания, правовой культуры и т. д. так же важно, как изучение принятия и поддержки права.

Обращаясь к рассмотрению заявленных выше вопросов, связанных с понятием правовой культуры, являющейся неотъемлемой частью культуры в целом, полагаем важным отметить, что при определении понятия правовой культуры целе-

сообразно иметь в виду следующие основополагающие критерии: во-первых, понятие правовой культуры не может быть установлено без предварительного уточнения либо понятия культуры, либо социологической концепции права [3. – С. 37]; во-вторых, концепция правовой культуры должна быть построена таким образом, чтобы учитывать разнообразие правовой культуры, возникающее в результате ее фрагментации в соответствии с социальной структурой, избегая при этом недостатков и даже ловушек радикального плюралистического подхода [6. – С. 12]; в-третьих, это должно позволить выявить взаимосвязь между внешними и внутренними аспектами правовой культуры.

Основываясь на вышеозначенном критериальном подходе, полагаем нужным отметить, что правовая культура может быть определена как совокупность ценностей (включая ценностные устремления), норм (правовых, этических и др.), символов, определенного рода нарративов и вполне конкретных моделей социальных практик, непосредственно связанных с правом [5. – С. 14]. При этом в рамках правовой культуры необходимо различать области непрофессиональной и профессиональной правовой культуры.

Подводя предварительный итог исследования вопросов правовой культуры, подчеркнем, что, во-первых, действующая в современных условиях многополярности [1. – С. 143] социологическая концепция права позволяет учитывать многообразие правовой культуры вследствие ее фрагментации по социальной структуре, но при этом избегает недостатков, свойственных радикальным плюралистическим подходам, неизбежным в условиях монополярности. С точки зрения диспозитивного, т. е. не строгого, а «мягкого» подхода это связано с историческим феноменом современности: национальное государство и государственное регулирование, осуществляемое исключительно на национальном уровне, постепенно дополняются надгосударственными регулятивными актами, имеющими, в свою очередь, надгосударственный (наднациональный) уровень правового воздействия. Во-вторых, современная концепция правовой культуры, постепенно развивающаяся в условиях последовательного формирования не однополярного, но многополярного мира, во все большей степени опирающаяся на инновационные технологии, сопровождающие тенденции информатизации и цифровизации, позволяет проанализировать динамиче-

ское взаимодействие мировой и профессиональной правовой культуры, подчеркивая органическую взаимосвязь между этими двумя фундаментальными аспектами и подразумевая относительность их разделения.

Завершая исследование, полагаем важным сделать следующие обобщения.

Во-первых, в современном мире понятия правосознания и правовой культуры тесно связаны и из-за недостаточности теоретического прояснения часто используются как синонимичные понятия.

Во-вторых, центральным в правовой культуре является понятие правовой концепции, которое обладает существенной надежностью и устойчивостью во времени, в отличие от таких понятий, как правовые знания, правовые отношения и правовые настроения, которые могут существенно измениться за короткий период времени.

В-третьих, целесообразно разделить понятия индивидуального правосознания, общественного правосознания и правовой культуры.

В-четвертых, в современных условиях мультиполярности формирование правосознания происходит в многоуровневой, многослойной структуре, основополагающие элементы которой продолжают находиться, как и раньше, в постоянном взаимодействии друг с другом. Правосознание гражданина, представляющее собой сеть социально-экономических и политико-правовых знаний, волевых и эмоциональных элементов, относящихся к праву, организовано по психологическим законам личности. Оно лишь в относительной степени отделено от общественного правосознания, которое представляет собой сумму проявлений индивидуального правосознания, но действует согласно специфической внутренней динамике социально-экономического взаимодействия.

В свою очередь, общественное правосознание, напротив, неразрывно связано с правовой культурой, которая закрепляет интеллектуальное содержание и формы общественного сознания в целом и правосознания в том числе, более прочные и объективные, чем массовые и общественные настроения и общественное мнение, но которая сама подвержена изменениям. Именно изменения в общественном сознании вызывают эти трансформации, поскольку они способны достичь известной интенсивности и позволяют в последующем видоизменить существующую структуру социально-экономического устройства, т. е. при-

званы видоизменить существующую, данную нам в ощущениях реальность.

И, в-пятых, как индивидуальное, так и общественное правосознание, а также правовая культура в ее внутренней артикуляции приспособлены к системе структурных элементов, связывающих личность с обществом в целом, т. е. с социально-экономической структурой [8. – С. 32].

Таким образом, по нашему мнению, изучение правового сознания неотделимо от изучения формальных или неформальных социальных

(институциональных) образований и общественных объединений – общностей, – включая институты гражданского общества и иного рода силы, которые управляют правовой институциональной системой, так называемой правовой инфраструктурой и конкурирующими формами социального контроля и обеспечения общественного правопорядка в социально-экономической среде с использованием вышеозначенных институциональных образований.

Список литературы

1. *Азнагулова Г. М.* Субстанциональная сущность международного права // Журнал российского права. – 2023. – № 1. – С. 138–151.
2. *Грамматиков В. В.* Природа деформации профессионального правосознания (на примере адвокатской деятельности) // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 5. – С. 19–27.
3. *Губайдуллин А. Р.* Правовая культура и ее роль в изучении правовой системы общества // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 5. – С. 35–44.
4. *Липчанская М. А., Привалов С. А.* Развитие технологий машиночитаемого права: теоретические проблемы и перспективы // Журнал российского права. – 2022. – № 10. – С. 85–96.
5. *Склифус С. В.* Правосознание и правовая культура гражданского общества как источник развития Российского государства // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 9. – С. 13–15.
6. *Славова Н. А., Чвякин В. А.* Правовая культура как фактор эффективного развития общества и государства // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 6. – С. 11–16.
7. *Цалиев А. М.* Об актуальности совершенствования правового воспитания и юридического образования как основы повышения правосознания в свете конституционных новелл // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 1. – С. 58–59.
8. *Horák F., Lacko D., Klocek A.* Legal Consciousness: A Systematic Review of its Conceptualization and Measurement Methods // Anuario de Psicología Jurídica. – 2021. – N 31. – P. 9–34.
9. *Szilágyi I. H.* Social Legal Consciousness or Legal Culture? // Public Governance, Administration and Finances Law Review. – 2022. – Vol. 7. – N 2. – P. 5–39.